

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

УДК 340.1

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-3-565-573

EDN NXKYKQ

Монизм и редукционизм в правовом позитивизме

Горбунов М.Д.

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

maxandgor@gmail.com

Аннотация. Изучение процессов методологической эволюции правового позитивизма как одного из ключевых направлений в мировой правовой мысли является значимым с точки зрения понимания его фундаментальных основ и перспектив будущего развития. Опыт научной рефлексии в англо-американской правовой мысли позволяет шире взглянуть на контекст исследований позитивистской методологии и онтологии в отечественном правопонимании, поскольку предлагает новые значимые теоретические данные и альтернативное видение. Вместе с тем в российской науке должного исследования альтернативной позитивистской догмы в контексте рефлексии ее эволюционных процессов в должной степени не произведено. Целью исследования является изучение процессов критического анализа классического правового позитивизма в англо-американской правовой традиции. В работе установлено, что такая рефлексия осуществляется через осмысление проблемы монизма и редукционизма как методологических установок, наиболее широко представленных в классическом позитивизме Джона Остина и Ганса Кельзена. Данные установки выражаются, с одной стороны, в сведении права до единого источника происхождения, а с другой – в упрощении понимания процессов и игнорировании разнообразия правовых явлений. Монизм и редукционизм были преодолены в процессе осмысления фундаментальных вопросов позитивизма с использованием нового метода концептуального анализа. Сделан вывод о том, что переход к современному этапу развития позитивизма в англо-американской правовой мысли произошел благодаря преодолению упрощенного монистического и редукционистского понимания права. Результаты исследования способствуют построению междоктринального диалога и пониманию особенностей формирования и трансформации конкурирующей парадигмы, а также преодолению догматичности отечественной позитивистской доктрины.

Ключевые слова: философия права, правовой позитивизм, англо-американская правовая мысль, аналитическая юриспруденция, концептуальный анализ, монизм, редукционизм

Для цитирования: Горбунов М.Д. 2025. Монизм и редукционизм в правовом позитивизме. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(3): 565–573. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-565-573. EDN: NXKYKQ

Monism and Reductionism in Legal Positivism

Maksim D. Gorbunov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russian Federation

maxandgor@gmail.com

Abstract. The study into the processes of methodological evolution of legal positivism as a key trend in world legal thought is significant in terms of understanding its fundamental principles and prospects for future development. The experience of scientific reflection in Anglo-American legal thought allows us to

take a broader look at the context of research into positivist methodology and ontology in Russian legal thinking, since it offers new significant theoretical data and an alternative vision. At the same time, no adequate study of the alternative positivist dogma in the context of reflection of its evolutionary processes has so far been carried out in Russian science to the proper extent. The purpose of the study is to analyze the processes of critical analysis of classical legal positivism in the Anglo-American legal tradition. The research shows that such reflection is carried out through understanding the problem of monism and reductionism as methodological principles, most widely represented in the classical positivism of John Austin and Hans Kelsen. These principles are expressed, on the one hand, in reducing law to a single source of origin, and on the other hand, in simplifying the understanding of processes and ignoring the diversity of legal phenomena. Monism and reductionism were overcome in the process of understanding the fundamental issues of positivism using a new method of conceptual analysis. It is concluded that the transition to the modern stage of development of positivism in Anglo-American legal thought occurred due to overcoming the simplified monistic and reductionist understanding of law. The results of the study contribute to the construction of an inter-doctrinal dialogue and understanding the features of the formation and transformation of a competing paradigm, as well as to overcoming the dogmatism of the domestic positivist doctrine.

Keywords: philosophy of law, legal positivism, Anglo-American legal thought, analytical jurisprudence, conceptual analysis, monism, reductionism

For citation: Gorbunov M.D. 2025. Monism and Reductionism in Legal Positivism. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(3): 565–573 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-565-573. EDN: NXKYKQ

Введение

Правовой позитивизм сегодня представляет собой направление, которое прошло длительную эволюцию через внутреннюю и внешнюю критику фундаментальных положений классической теории. Несмотря на то, что данное направление имеет свои особенности в континентальной, англосаксонской и отечественной парадигме, его эволюция везде связана с общими концептуальными проблемами методологического и онтологического характера. Примечательным в данном контексте является опыт рефлексии правового позитивизма в англо-американской доктрине. В конкурирующей правовой традиции эволюционные проблемы правового позитивизма традиционно рассматриваются в контексте категорий монизма и редукционизма [Green, Adams, 2019]. Именно эти проблемы стали катализатором трансформации позитивистской теории.

Решение проблем монизма и редукционизма в правовой теории стало необходимым, поскольку подходы, характеризующиеся названными особенностями, несмотря на свою аналитическую ценность, содержат существенные ограничения, которые искажают понимание права как сложного социального явления [Postema, 2012, p. 76]. В числе основных причин, обусловивших концентрацию рефлексии правового позитивизма вокруг задачи преодоления монизма и редукционизма, следует назвать: во-первых, чрезмерное упрощение права как системы императивных норм, не отвечающее разнообразию правовых явлений в современных государствах; во-вторых, отрицание связи права с моралью и справедливостью в теоретическом анализе, толковании и конституционализме.

Именно результаты критического осмысления классического правового позитивизма в современной правовой науке позволили признать, что право – это не просто логическая конструкция или инструмент власти, а живой социальный институт, требующий комплексного понимания.

Современный правовой позитивизм преодолевает эти проблемы в процессе последовательной эволюции от жесткого монизма к признанию плюрализма источников и от редукционизма к учету социального контекста и включению ценностных критериев в право. Позитивизм сохранил ключевые характеристики, но стал более гибким в объяснении сложных правовых реалий. Без преодоления монизма и редукционизма теория

права рисковала бы стать оторванной от реальности. Дальше всего в преодолении этих проблем пошла англо-американская правовая мысль, что может быть познавательно значимым для осмысления условий трансформации отечественной позитивистской методологии [Самохина, Тонков, 2020].

Изучение проблем монизма и редукционизма в правовой теории имеет особое значение для России в силу уникальных особенностей ее правовой системы и государственного развития, в частности ее исторической предрасположенности к монистическим моделям типа этатистского позитивизма, для которого характерно чрезмерное отождествление права с государственной волей [Баранов, 2015]. Изучение этих проблем помогает выработать теоретическую основу для построения модели эффективной правовой системы, соответствующей российским реалиям и отвечающей требованиям гибкости при описании правовых явлений.

Прежде чем перейти непосредственно к оценке опыта теоретического и практического преодоления монизма и редукционизма в англо-американской позитивистской правовой теории, необходимо охарактеризовать данные категории.

Монизм и редукционизм как средства познания

Принципиальным является то, что монизм и редукционизм – это не столько законченная теории права, сколько способ анализа правовых явлений, методологическая установка, определяющая конкретные ответы на вопросы правовой теории.

Монизм в праве в целом характерен ряду ранних правовых теорий независимо от их направления и характеризуется как подход, согласно которому право и государство рассматриваются как единая система, где право является высшей и самодостаточной ценностью, а государство подчинено праву или даже производно от него [Gragl, 2018]. Изначально монизм имел естественно-правовое измерение. Ранний юснатурализм определяет существование права как некой совокупности универсальных правовых норм, стоящих выше воли законодателя и исходящих от божественного начала. Естественное право полностью поглощает позитивное и существует объективно, а роль государства строго утилитарная и лишь оформляет естественное право. В результате происходит сведение государственно-правовых процессов до некой минимальной концептуальной единицы – источника, из которого вытекают все существо нормативных отношений.

В правовом позитивизме производится лишь замена этого источника на другой при сохранении методологического подхода. В данном случае право представляет собой единую автономную, самодостаточную структуру как логически стройную систему норм, где все юридические положения выводятся из единого основополагающего источника. Связь права с другими компонентами нормативной системы, в частности с естественно-правовыми принципами и принципами морали, отрицается, соответственно юридическая действительность норм определяется исключительно формальными критериями, а не их моральным содержанием.

Редукционизм в праве как методологический подход также характерен для ранних правовых теорий, которые стремятся свести сложные правовые явления к наиболее простым элементам либо описывать право через другие более фундаментальные и общие явления [Smith, 1991, p. 68]. Для антипозитивистских теорий данный подход характерен при методологическом определении права как частного проявления неюридических категорий общественной жизни или окружающей природы, например биологии, психологии или экономики. Праву в данном случае отказывается в самостоятельности и автономности, то есть игнорируется уникальная природа права как социального регулятора.

В правовом позитивизме редукционизм приводит к упрощению права до более простых, фундаментальных элементов, исключая метафизические или моральные объяснения правовых явлений либо связь с ними. Такие теории утверждают, что право

можно полностью объяснить через конкретные фактические социальные явления, при этом все многообразие практик сводится к некой общей, системообразующей практике.

Редукционизм в позитивизме тесно связан с аналитическим подходом к праву, поскольку предполагает эмпирический характер исследований правовых явлений и установления реальных социальных практик и отношений. При этом акцент редукционистского подхода связан не просто с анализом практики, а с его упрощенной версией, ориентированной на определение минимальных, эмпирически проверяемые элементов – набору наиболее универсальных социальных фактов.

Именно развитие аналитической методологии в англо-американской правовой мысли позволило отойти от монизма и редукционизма как ключевых методологических приемов правовых исследований и установок правовой онтологии.

Методологические установки классического правового позитивизма

Наиболее явно монизм и редукционизм проявились в фундаментальных для правового позитивизма не только англо-американского, но и континентального – командной концепции Джона Остина и теории чистого права Ганса Кельзена [Green, Adams, 2019].

Джон Остин (1790–1859) – британский правовед и основоположник юридического позитивизма, чья теория права демонстрирует яркие черты как монизма, так и редукционизма. Его подход радикально упрощает понимание права, сводя его к базовым социальным связям и практикам власти, отрицая связь с иными явлениями. Остин жестко разделяет позитивное право и мораль в рамках разработанного им аналитического эмпирически ориентированного подхода к изучению права. Право должно изучаться как оно есть, а не каким оно должно быть [Halpin, 2013]. Право существует в практике социальной жизни, а не в мире идей, и связывается с очевидно представленными отношениями власти и подчинения. Монистичность теории Остина проявляется в том, что он предлагает интерпретацию права как приказов суверена – единственного источника нормативных установлений. Остин определяет право исключительно как принудительные команды верховного юридически безответственного правителя, подкрепленные санкцией. Правовед не только отрицает дихотомическую связь права и морали, но и упрощает систему публичной власти до правителя, определяя иных должностных лиц как обеспечивающих его неделимую власть [Austin, 1995, p. 166]. Соответственно в теории Остина упрощается объяснение юридической практики, в частности правоприменения. Административные и судебные органы являются лишь проводниками воли суверена, не имеющими компетентностной автономии, поэтому прецедентные практики сводятся лишь к «молчаливому согласию суверена» [Austin, 1995, p. 35].

Такая логика ведет к другой особенности остиновской теории – редукционизму. Редукционизм стремится свести сложные явления к простым элементам. Остин редуцирует право до примитивной модели права как принудительных команд, игнорируя сложные социальные и нормативные аспекты нормативной системы, а также разнообразие юридических практик [Austin, 1995, p. 14].

Любая правовая норма – это приказ суверена, обращенный к подданным в повелительной форме команды. Любые правила поведения так или иначе приобретают данную форму, потому управомочивающие законы и нормы, ограничивающие самого суверена, обычное право и правовые принципы – это несовершенные формы команд [Austin, 1995, p. 36]. Право представляет собой иерархию команд. Родовая принадлежность норм как исходящих от правителя является единственным критерием правового, что автоматически исключает то, что прямо не провозглашается или не признается сувереном, включая нормы религии и морали, конституционные и международные нормы. Упрощение природы правил также ограничивает возможности

объяснения порядка правопреемства официальной власти и низводит феномен обязательств и принятие права до простой привычки, обеспеченной санкцией.

Как отмечается в правовой науке, «теория [Остина]... утверждает, что нормативный язык, используемый при описании и изложении права... может быть проанализирован без остатка в фактических терминах, как правило, как констатация утверждений о власти и повиновении» [Green, Adams, 2019]. Таким образом, Остин – монист, поскольку видит право как единую систему, основанную на одном источнике, и редукционист, так как сводит право к простой форме принудительного приказа.

Теория Кельзена стала во многом продолжением общей линии монистического и редукционистского подходов в правовом позитивизме, хотя в анализе самого Кельзена предлагаемые им формулировки были призваны ограничить общий редукционизм позитивизма [Green, Adams, 2019].

Ганс Кельзен (1881–1973) – австрийский (позже американский) правовед – создатель чистой теории права, чьи взгляды представляют собой наиболее последовательное выражение юридического методологического монизма и редукционизма в нормативистском прочтении. Хотя Кельзен формально и является представителем континентальной правовой традиции, критика монизма и редукционизма тесно связана с его именем. Ценно также и то, что через его теорию можно анализировать подобные методологические подходы в отечественной и континентальной теории.

Кельзен рассматривает свою правовую концепцию как методологический проект чистого учения о праве, который предусматривает освобождение правовой науки от любых оценочных понятий и метафизических утверждений, в первую очередь морали, затрудняющих понимание права как формализованной нормативной системы. По сути, монизм определяет основу кельзеновской методологии [Kelsen, 2002, р. 7]. Правовед отождествляет право с замкнутой иерархичной системой норм, имеющей единый источник. Каждая норма получает силу от вышестоящей нормы в системе, которая по итогу восходит к основной норме (*grundnorm*). Государство также является производным от правопорядка, представляя некую его персонификацию [Kelsen, 1961, р. 110].

Редукция в теории выражается в упрощенном «чистом» понимании правовых норм. Право освобождается от всех неправовых оценочных элементов, социологических, психологических, политических и иных аспектов. Ключевым в понимании права является его принудительность [Kelsen, 1961, р. 18]. Как резюмируется в теории правоведа, «форма каждого закона – это форма условного приказа, направленного в суды, применять санкции, если совершается определенное поведение. С этой точки зрения право – это косвенная система руководства: оно не говорит субъектам, что делать; оно говорит должностным лицам, что делать своим субъектам при определенных условиях» [Kelsen, 1961, р. 61]. Кельзен прибегает к формально-логическому типу редукции, в результате право упрощается им до нормативной директивы – формальной логической конструкции, а юридическая практика – до операций делегирования нормотворческой власти и логическим выводам конкретных решений из общей нормы. Правовед, таким образом, предлагает крайнюю форму правового монизма и методологического редукционизма. Его теория имеет важное значение для правового анализа и построения формальной логики в праве, но слишком абстрактна для объяснения реального функционирования правовых систем.

Такое упрощенное объяснение правовых явлений не могло не столкнуться с серьезной критикой со стороны конкурирующих концепций. В конечном итоге ослабевающий авторитет правового позитивизма выразился в необходимости поиска новых ответов на прежний вопросы правоправедения [Hart, 1957].

Концептуальный анализ как ответ позитивистской редукции

Для англо-американского правового позитивизма знаковой фигурой при преодолении недостатков монизма и редукционизма в правовой теории стал Герберт Харт. В теории правоведа произведено масштабное переосмысление фундаментальных проблем классических правовых теорий и представлены критические комментарии к ним по следующим вопросам:

1. Отождествление права и команды. Здесь Харт обратился к теории императивов и выявленным в аналитической теории перформативным свойствам правовых понятий. Как указывает Харт, «различия между определенным видом законов и приказами, подкрепленными угрозой, лежит в трех плоскостях, касающихся содержания законов, способа их происхождения и сферы применения» [Харт, 2007, с. 30]. Приказ и правовая норма не могут отождествляться, поскольку последняя порождает следствия не только фактического, но и формального характера [Харт, 2007, с. 31–35].

2. Разнообразие законов. Правовая система по классической теории состоит из принудительных норм либо непосредственно, либо отсылается к ним, с чем правовед принципиально не соглашается. Харт пишет: «Попытка свести все разнообразие законов к этой простой и единой форме приводит к тому, что праву навязывается ложное единообразие» [Харт, 2007, с. 50]. Как итог в теории правоведа отмечается, что даже для обеспечения правопорядка необходимы не только обязывающие, но и управомочивающие нормы, поскольку помимо обеспечения безопасности общество также нуждается в установлении правил материального обмена и подтверждении статусов и состояний [Харт, 2007, с. 40–49].

3. Основания принятия системы. В классическом позитивизме действие права обеспечено простой привычкой подчинения субъекта принудительному режиму власти. Важным аспектом, отмеченным Хартом, стало то, что в такая система не может обеспечить институционального преемства, а потому мало отличается от примитивных нормативных отношений подчинения [Харт, 2007, с. 55]. В системе должны содержаться правила, обеспечивающие легализацию системы и правоприменение в нем, что противоречит концептуальному утверждению классической теории о верховенстве суверена [Харт, 2007, с. 52–74].

В результате в теории Герберта Харта произошел отказ от крайних форм монизма и редукционизма, что позволило рассмотреть право значительно шире и системно. Харт заменил классическую модель приказов суверена на концепцию системы первичных и вторичных правил и допустил возможность включения моральных критериев через системообразующее правило признания как части правовой системы в судебной практике и на уровне конституционных положений. Ключевым стало признание разнообразия законов и юридической практики, требующих более сложной методологии для понимания и объяснения. В итоге правовой позитивизм, несмотря на свою изначальную монистическую и редукционистскую природу, эволюционировал, чтобы преодолеть ключевые недостатки. После Харта англо-американский правовой позитивизм продолжает эволюционировать, поддерживая сложный баланс между формальными основаниями догмы позитивного права и гибкостью фактических правовых отношений.

Важнейшим средством преодоления монизма и редукционизма в правовом позитивизме стала новая аналитическая методология, впервые представленная в теории Харта [Summers, 1966]. Новым главным методологическим средством, начиная с его теории в современном англо-американском правовом позитивизме, стал концептуальный анализ [Marmor, 2019]. Метод позволил обеспечить сохранение четких критериев правовой действительности при учете сложности и разнообразия современных правовых систем, что стало значительным преимуществом современного правового позитивизма, поскольку позволяет анализировать взаимодействие права с другими элементами нормативной системы общества.

Концептуальный анализ предусматривает гораздо более тщательный и открытый подход к сбору эмпирических данных о правовой системе по гораздо более широкому кругу поиска и при концентрации на практике использования правовых понятий [Marmor, 2013]. В литературе метод характеризуется следующим образом: «С точки зрения концептуального анализа теории права стремятся охватить концепцию права, и они преуспевают в той степени, в которой они предоставляют связное описание соответствующих данных об этой концепции и связанных с ней концепциях» [Marmor, 2019]. Так, «теоретик начинает с предполагаемого набора критериев для правильного применения целевой концепции, а затем он проверяет его против своих представлений об этой концепции. Отчет успешно фиксирует целевую концепцию в той степени, в которой он дает интуитивно правильные результаты <...> и делает это объяснительно удовлетворительным способом» [Shapiro, 2011, p. 16]. Удовлетворительность методологии в данном случае зависит не от простоты, а от знаний того, «когда применяется слово "право", используемое в его юридическом смысле... и подразумевает нечто более содержательное: а именно, обладание широким спектром существенных убеждений... относительно концепции, ее существенных черт и ее надлежащего применения» [Marmor, 2019]. То есть формирование онтологических аргументов о праве зависит от сбора большого числа данных о практике правовой системы и представлениях людей о ней, условий формирования таких представлений и их релевантности эмпирическим данным и концептуальным гипотезам. Концептуальный анализ как методологический подход особое внимание уделяет свойствам права как социального явления, формируемого в практической деятельности, поэтому исследование права должно включать в себя данные о реальной и разнообразной практике [Stavropoulos, 2012; Raz, 2004]. Таким образом преодолеваются наиболее значимые недостатки монизма и редукционизма.

Применение концептуального анализа как нового методологического средства правового позитивизма в итоге задал значительный антиредукционистский импульс в правопонимании [Dickson, 2004]. Рефлексия классических позитивистских теорий привела к осознанию того, что монизм, «предусматривающий отношение ко всем законам как к приказам [суверена] скрывает важные различия в их социальных функциях, в способах, которыми они действуют в практических рассуждениях, и в типе оправданий, которым они подлежат», а редукционизм «также не более правдоподобен: о правовых обязательствах говорится когда нет вероятности применения санкций и когда нет положений о санкциях (как в обязанности судов применять закон). Более того, наличие правовых обязательств считается основанием для введения санкций, а не их следствием или составной частью» [Green, Adams, 2019]. Тем не менее необходимо отметить, что «один из способов понимания позиции [современного] юридического позитивизма – рассматривать ее как форму редукции» [Marmor, 2019]. Действительно, сама суть правового позитивизма, изначально выраженная в аналитическом исследовании Остина как правовая концепция, направленная на представление о праве в неметафизическом ключе. Вместе с тем актуальная интерпретация позитивистской редукции значительно отличается от остиновского подхода: «Юридический позитивизм, по сути, утверждает, что юридическая действительность сводится к фактам ненормативного типа, то есть к фактам о поведении, убеждениях и отношениях людей» [Marmor, 2019]. Однако определение того, что относится к таким фактам, является принципиально более широким [Leiter, 2007].

Заключение

Представленные выше аргументы позволяют заключить, что решение проблем монизма и редукционизма имеет для правопонимания и в особенности правового позитивизма особое значение, поскольку затрагивает саму возможность существования правовых концепций как адекватный инструмент познания права.

Правовой позитивизм преодолел первоначальные ограничения классических теорий через методологическую гибкость, позволившую учесть социальный контекст существования права и разнообразие взаимосвязанных проявлений нормативной системы, сохранив при этом свои ключевые преимущества, связанные с аналитическим подходом к анализу правовой системы. В итоге устранение недостатков монизма и редукционизма в позитивистской теории позволило сохранить методологическую устойчивость и объяснительный потенциал как конкурентоспособного направления в правопонимании, открывающего возможность к построению диалога с другими направлениями. Неслучайным является в данном контексте внимание современных правоведов к модернизации позитивистской теории при сохранении ее базовых принципов, в том числе и в отечественном правоведении, где формируется широкая дискуссия о необходимости методологического обновления позитивистской догмы. Такая дискуссия может быть построена только с учетом проблемы монизма и редукционизма в методологии правового позитивизма.

Список литературы References

- Баранов П.П. 2015. Позитивистское правопонимание в юридической науке, практике и повседневной жизни современной России. *Российский журнал правовых исследований*, 4(5): 7–14.
- Baranov P.P. 2015. Pozitivistskoe pravoponimanie v yuridicheskoi nauke, praktike i povsednevnoi zhizni sovremennoi Rossii [Positivist legal understanding in legal science, practice and everyday life of modern Russia]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy*, 4(5): 7–14.
- Самохина Е.Г. Тонков Е.Н. 2020. В поисках теории права. СПб., Алетейя, 286 с.
- Samokhina E.G. Tonkov E.N. 2020. V poiskakh teorii prava [In Search of a Theory of Law]. Saint-Petersburg, Publ. Aleteiya, 286 p.
- Харт Г.Л.А. 2007. Понятие права. Пер. с англ. СПб., Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 304 с. (Hart H.L.A. 1994. *The Concept of Law*. Oxford, Publ. Oxford University Press. 328 p.)
- Khart G.L.A. 2007. Ponyatie prava [The Concept of Law]. Translated from the Engl. Saint-Petersburg, Publ. Sankt-Peterburgskogo un-ta, 304 p. (Hart H.L.A. 1994. *The Concept of Law*. Oxford, Publ. Oxford University Press. 328 p.)
- Austin J. 1995. *The Province of Jurisprudence Determined*. Cambridge, Publ. Cambridge University Press, 344 p.
- Dickson J. 2004. Methodology in Jurisprudence: A Critical Survey. *Legal Theory*, 10: 117–156.
- Gragl P. 2018. *Legal Monism: Law, Philosophy, and Politics*. Oxford, Publ. Oxford University Press, 408 p.
- Green L. Adams T. 2019. Legal Positivism. In: *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Stanford, CA : The Metaphysics Research Lab, Department of Philosophy, Stanford University*.
- Halpin A. 2013. Austin's Methodology? His Bequest to Jurisprudence. In: *The Legacy of John Austin's Jurisprudence*. Dordrecht, Publ. Springer: 14–40.
- Hart H.L.A. 1957. Analytical Jurisprudence in Mid-twentieth Century: A Reply to Professor Bodenheimer. *University of Pennsylvania Law Review*, 105: 953–975.
- Kelsen H. 1961. *General Theory of Law and State*. New York, Publ. Russell & Russell, 432 p.
- Kelsen H. 2002. *Introduction to the Problems of Legal Theory*. Oxford, Publ. Clarendon Press, 216 p.
- Leiter B. 2007. *Naturalizing Jurisprudence: Essays in American Legal Realism and Naturalism in Legal Philosophy*. Oxford, Publ. Oxford University Press, 287 p.
- Marmor A. 2013. Farewell to Conceptual Analysis (in Jurisprudence). In: *Philosophical Foundations of the Nature of Law*. Oxford, Publ. Oxford University Press: 209–229.
- Marmor A. 2019. The Nature of Law. In: *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Stanford, CA : The Metaphysics Research Lab, Department of Philosophy, Stanford University*.

* Стэнфордский университет внесен в список нежелательных организаций на территории РФ (Решение Генеральной прокуратуры РФ от 26 марта 2026 года).

- Postema G. 2012. Legal Positivism: Early Foundations. In: The Routledge Companion to Philosophy of Law. New York, Publ. Routledge: 31-48.
- Raz J. 2004. Can there be a Theory of Law? In: The Blackwell Guide to the Philosophy of Law and Legal Theory. Oxford, Publ. Blackwell: 1-27.
- Shapiro S. 2011. Legality. Cambridge, Publ. Harvard University Press, 472 p.
- Smith S.D. 1991. Reductionism in Legal Thought. *Columbia Law Review*, 91: 68-109.
- Stavropoulos N. 2012. Obligations and the Legal Point of View. In: The Routledge Companion to Philosophy of Law. London, Publ. Routledge: 76-92.
- Summers R.S. 1966. The New Analytical Jurists. *New York University Law Review*, 41: 861-896.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.04.2025
Поступила после рецензирования 04.06.2025
Принята к публикации 10.09.2025

Received April 28, 2025
Revised June 04, 2025
Accepted September 10, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горбунов Максим Дмитриевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

 [ORCID: 0000-0001-5266-8852](https://orcid.org/0000-0001-5266-8852)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maksim D. Gorbunov, Candidate of Law Science, Senior Lecturer, Department of History of State and Law, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

 [ORCID: 0000-0001-5266-8852](https://orcid.org/0000-0001-5266-8852)